

Иностранщина.

Непонятно и удивительно—почему мысль объ искорененіи такихъ не-русскихъ и рѣшительно ничѣмъ не оправдываемыхъ названій, какъ «штабъ-офицеръ», «штабсъ-ротмистръ» и пр. представляется г. Мору ¹⁾ праздною. Если бы рѣчь была объ очищеніи отъ иностранныхъ словъ вообще русскаго языка, то пожалуй эта запоздалая мысль могла бы показаться праздною. Исторіи русской литературы знакомо это направленіе (выразителемъ котораго явился въ началѣ прошлаго столѣтія адмиралъ Шишковъ), какъ извѣстно не приведшее ни къ какимъ практическимъ результатамъ.

Само собой разумѣется, что не можетъ быть рѣчи о подмѣнѣ какими-либо русскими названіями такихъ словъ, какъ электричество, театръ, докторъ и др., которыя давно уже сдѣлались общечеловѣческими (а значить въ извѣстной долѣ и русскими). Такія иностранныя слова-понятія, которыхъ много въ области мысли,

¹⁾ «Русскій Инвалидъ» № 243. «Праздныя мысли старика».

науки, знанія и ихъ прикладныхъ обиходныхъ выраженій, не представляютъ изъ себя только лишь филологическихъ заимствованій. Мѣсто ихъ—въ области образнаго мышленія, въ той лабораторіи мысли, гдѣ «слово» переходитъ въ «образъ».

Выбросить же изъ обихода устарѣлыя, ненужныя, чисто филологическія заимствованія всегда возможно.

Необходимо различать *иностранныя слова*—какъ культурныя воспріятія (а не простыя подражательныя заимствованія) и просто *иностраницину*, какъ «нечистый этотъ духъ тупого рабскаго слѣпого подражанія» Западу, воспѣтый достойнымъ образомъ еще Грибоѣдовымъ.

Съ этой точки зрѣнія не только не праздно, но настоятельно необходимо пересмотрѣть нашъ воинскій обиходный словарь и сдѣлать въ немъ нужный отборъ, напрымѣръ, оставляя офицера, солдата, стратегію, тактику—выбросить «портупею» (поясная портупея!), «сакву», «жалонера», нелѣпаго «квартирмистра», «пароль» (замѣнивъ его хотя бы словомъ «ясакъ»), а ужъ про «бомбардирь-ординарецъ-развѣдчика» какого-нибудь и говорить нечего!

Всѣ эти слова безъ труда могутъ быть замѣнены русскими.

Они должны быть замѣнены русскими послѣ всѣмъ памятнаго приказа по военному вѣдомству объ исключеніи изъ официальныхъ донесеній иностранныхъ словъ.

Казалось бы послѣ упоминаемаго приказа по военному вѣдомству (1909 г.) во всякомъ случаѣ было бы несоотвѣтственнымъ вводить *новыя* иностранныя слова; однако же не говоря о 1909 г., когда при переимѣннѣ обмундированія введено было множество разныхъ кутасъ, этикетовъ и пр., какое множество *старыхъ* наименованій было, какъ читатель помнитъ, подтверждено въ 1910 году! Въ томъ же году было введено вновь не мало «инспекторовъ», дивизіонныхъ «интендантовъ», хотя казалось бы безъ нихъ и можно было бы обойтись и тѣ же гг. дивизіонные интенданты, можетъ быть, ничего бы не имѣли противъ того, чтобы ихъ называли иначе.

Искоренять тяготѣніе къ иностранцинѣ и въ то же время вводить ее въ обиходъ и не то же ли это, какъ шить и въ то же время подпарывать.

Необходима система. Систематическій уклонъ творческой мысли въ сторону родного русскаго долженъ стать догмой нашего сознанія, нашихъ законодательныхъ палатъ, нашихъ главныхъ управленій.

Системы этой у насъ никогда не замѣчалось.

Въ 1893—5 гг. сотникъ Полномочный своими статьями въ «Развѣдчикѣ», если не ошибаюсь, добился того, что «велосипедъ» былъ названъ у насъ «самокатомъ» и однако же почти одновременно въ одинъ штатъ были включены деньги на «ремонтъ велосипедовъ».

Такъ и до настоящаго времени самокатчики ѣздятъ на велосипедахъ. Немудрено, если и самое названіе самокатчикъ не привилось и звучитъ какъ какіе нибудь «мокроступы» адмирала Шишкова. Казалось бы теперь, когда за границей все русское—отъ русскаго искусства до икры (которая въ *Vienne* называется *saviar-palosol!*) составляетъ послѣднее слово моды, когда у насъ идетъ напряженное изученіе родной старины, въ которой отыскивается такъ много красиваго, было бы странно стремиться и къ иностранному покрою обмундированія.

Однако же, если читатель вспомнить, не далѣе какъ въ январѣ-февралѣ мѣсяцѣ, никто иной, какъ офицеръ генеральнаго штаба, на столбцахъ «Русскаго Инвалида» выступилъ съ проектомъ утонченно-иностраннаго костюма для офицеровъ этого рода службы.

Система, какъ уклонъ сознанія въ сторону своего родного русскаго, необходима въ словахъ, выраженіяхъ, а съ ними и въ понятіяхъ. Вопросъ этотъ право стоитъ того, чтобы надъ нимъ подумать.

Когда мнѣ приходится въ ресторанномъ обиходѣ нашей офицерской жизни слышать изъ устъ солдатака «бефъ, бризе а ла модъ» или котлеты «де воляй» это только пожалуй веселитъ духъ (и способствуетъ вѣщшему пищеваренію). Я даже склоненъ бываю поощрить солдатака: «учись, молъ, можетъ быть, придется служить въ ресторанѣ и эта иностранщина тебѣ пригодится.

Когда же я слышу изъ устъ того же солдатака о томъ, что изъ «штаба» «корпуса» «ординарецъ» привезъ «парольное» приказаніе или что «командиръ дивизіона» «положилъ резолюцію» на моемъ «рапортѣ», у меня является желаніе сказать: »говорилъ бы ты, братецъ, по-русски.

Но увы, канониръ (или «фейерверкеръ-ординарецъ-телефонистъ») русской арміи не умѣетъ этого выразить по-русски.

Меня ни мало не смѣшитъ анекдотическій ординарецъ (какой-нибудь Подопригора «зъ-пидъ Пилтавы»), который запутался, говорятъ, во время рапорта во всей тарабарщинѣ, которой его немалое передъ тѣмъ время заучали и въ концѣ концовъ выругался: «тьфу, матери його бись, казавъ же имъ, що не можу...»

Одна изъ коренныхъ причинъ нашей національной болѣзни—

небреженія къ своему родному—тотъ нечистый духъ безразборчиваго заимствованія, о которомъ упоминалось выше.

Какъ знать, не обязаны ли мы арміи (т.-е. военной службѣ) воспитаніемъ и культурой этого духа въ громаднѣхъ низахъ нашего народа. Подумайте, какое громадное количество иностранныхъ словъ (обиходнаго значенія: напимѣрь, корректировать, инструкция и т. п.) уносить изъ нея крестьянинъ-солдатъ съ собою въ деревню. Вѣдь туда онъ возвращается не нескладнымъ парнемъ, какимъ уходилъ, а по своему образованнымъ человѣкомъ, такъ сказать, «интеллигентомъ».

Мудрено ли, что первое представленіе объ «интеллигентности» у него выражается въ знакомомъ намъ (по ст. г. дх въ «Русскомъ Инвалидѣ» подъ заголовкомъ «Ослабѣли»), не только въ низахъ, стремленіи держать себя и говорить не такъ какъ прочіе.

Фейерверкеръ Максимовъ ²⁾, типа *начальствующихъ политическихъ* нижнихъ чиновъ ³⁾ психологически невозможенъ безъ своего опредѣленія квадранта, что «*ватерпасъ ни что иное есть, какъ происходитъ, что атмосферическая ртуть свое движеніе имѣетъ*». И, конечно, и онъ, какъ теперь внукъ его, окончившій учебную команду, обучая новобранца премудрости, говаривалъ тоже: «эхъ ты, деревня—не будь мужикомъ», самъ будучи глубоко корнями вросшимъ, даже при двадцати-пятилѣтнемъ своемъ срокѣ службы, въ свою родимую деревню.

Иностранщина несомнѣнно одинъ изъ пунктовъ *слабости* нашей цивилизаціи и не только «ослабѣлости», отмѣченной г. дх.

Пора отъ нея отрѣшиться и обратиться къ своему русскому, не менѣе, если не болѣе богатому выраженіями и опредѣленіями.

Пора же, наконецъ, и намъ полюбить ту безконечную красочность всего русскаго, которую такъ теперь любятъ на Западѣ.

Не презирая Запада, пора, однако, отказаться отъ стремленія слиться съ нимъ: пора признать, наконецъ, что нашъ путь иной. Позже западныхъ народовъ выступивъ на историческомъ поприщѣ, мы не переживали ни западнаго средне-вѣковья, ни реформаціи—ни всего, что легло въ основу нынѣшняго западнаго строя.

При капиталистической его нынѣшней опредѣлительности, развѣ мы и теперь не представляемъ какой-то загадкой тому же Западу, наблюдающему, проходящій въ данный моментъ черезъ нашу исторію, запоздалый актъ средне-вѣковаго явленія—переселенія народовъ—въ формѣ переселенческаго движенія въ Сибирь.

²⁾ Л. Голстой. «Рубка лѣса».

³⁾ Опредѣленіе автора.

Развѣ не таятъ въ себѣ побужденій родственныхъ съ побужденіями, устремлявшими народы Запада, въ XII—XIII вв. на крестовые походы, поиски уральскими казаками мистически-таинственной «Бѣлой рѣки», откуда пошла истинная церковная вѣра ⁴⁾), или, ужъ и вовсе безпримѣрные въ исторіи, паломничества многихъ тысячъ богомольцевъ къ Сарровскому преподобному и т. д.?

И это наше средневѣковое, какъ и весь уклонъ нашей исторіи, такъ непохожи на западные.

Гдѣ въ самомъ дѣлѣ и когда наблюдалось у насъ что либо, хотя бы нѣсколько похожее на «дурацкіе» праздники (съ ихъ «ослинымъ» ритуаломъ богослуженій—пародій).

Карнавалы эти, запрещенные Толедскимъ соборомъ, отъ времени глубокой древности западнаго христіанства вплоть до самой реформаціонной эпохи таили въ себѣ критическій духъ реформы и являлись яркимъ выраженіемъ западнаго народнаго духа.

Было бы ошибочно искать черты сходства съ ними въ нашихъ *языческихъ* торжествахъ въ честь масленицы, Ярилы, Купалы и т. д.

Западная (внутренняя) исторія—исторія борьбы городского-государственнаго уклада съ кѣдромъ. Наша исторія—эволюція идеи народности въ триединомъ ея сочетаніи съ православіемъ и самодержавіемъ.

На западѣ церковь, поборотая государственностью, отдѣлилась отъ нея—у насъ же исторически не представляется возможнымъ предполагать такого отдѣленія церкви даже въ отдаленномъ будущемъ.

На западѣ народъ, въ періодъ формации государственности, обращался къ церкви, какъ полицейскому орудію смиренія протестующихъ кострами инквизиціи,—нашъ народъ-богоносецъ никогда не взиралъ на церковь какъ на орудіе государственности и въ своемъ православіи всегда чтилъ «побѣду побѣдившую міръ» кротостью. Исторія наша не знаетъ огненной кары еретиковъ, но знаетъ примѣры самосожженія съ пѣніемъ на устахъ раскольниковыхъ «стихеръ».

Западная правда народа—правда-справедливость, догма внѣшняя государственная,—правда нашего народа, правда-истина, догма внутренняя церковно-государственная. Внутренней правды о Христѣ полонъ алканія нашъ Христовъ народъ крестьянскій («христіанскій»).

На нашихъ глазахъ, въ минуту вспышки бурныхъ западныхъ стремленій нашей интеллигенціи къ правдѣ внѣшней, народъ

⁴⁾ В. Короленко. «У казаковъ».

нашъ, по мѣткому опредѣленію К. С. Аксакова (въ его извѣстной запискѣ, поданной Государю Императору Александру II) не стремящійся государствовать, полный самоуглубленнаго исканія своей правды внутренней, какъ бы согласнымъ милліоннымъ хоромъ пѣлъ свою «стихеру»:

Мнѣ ненадобенъ златъ высокъ теремъ
Я остануся въ своей келии,—
И я стану жить спасатися
Своему Богу молитися.

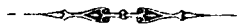
Что этому народу Западъ? Онъ и отвергъ интеллигенцію за ея западничество.

Не въ силахъ свергнуть свыше двухвѣковое иго иностранщины, нечистымъ ядомъ своихъ словъ-заклинаній отравляющую его говоръ, онъ поневолѣ научился улавливать черты филологическаго сходства между такими словами, гдѣ о такомъ сходствѣ и рѣчи быть не можетъ (артилерія и артель, пролетарій и глаголь «пролетѣть», моторъ и моторный, т.-е. легкоподвижный и т. д.).

Какъ народная плоть, армія несомнѣнно склонна къ искорененію ненародныхъ иностранныхъ словъ. Необходимо только, чтобы въ сознаніи верховъ и низовъ арміи укоренилось отвращеніе къ вошедшему въ врожденную привычку (и привычку неопратную) заимствованіе иностранщины. Въ безконечно богатомъ словами, опредѣленіями и ихъ тончайшими оттѣнками русскомъ языкѣ, при желаніи, всегда можно найти нужныя названія для сохраняющихся только въ силу мертвой традиціи разныхъ «реляцій», «маршей», «фланговъ», «штабсъ-ротмистровъ», «дежурныхъ» и т. п.

Пора, пора объ этомъ подумать и лингвистическія способности свои, признанныя за нами всѣми народами, обратить на изученіе своего родного языка и показать себя въ этомъ не менѣе талантливыми.

А. Бр—скій.

5) А. Бѣлый. «Серебряный годубъ».
..В. Сб. № 11, 1914.